

Эволюция сюжетно-мотивного комплекса в художественном нарративе о читателе *

О. Н. Турышева

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Проблему статьи составляет вопрос о характере изображения читателя в литературе разных эпох. Предлагается метод его выявления – исследование тех трансформаций, которые переживает сюжет о чтении в историко-литературной перспективе. Дается определение сюжета чтения, выявляются его мотивные элементы. Предметом пристального анализа является эволюция мотива, завершающего сюжетную схему нарратива о читателе. Это мотив обретения. Отмечается, что в истории литературы этот мотив получает как положительную, так и негативную трактовку. В первом случае он находит свою реализацию в изображении того, как герой осуществляет надежды, сложившиеся на почве его взаимодействия с книгой. Во втором – в изображении поражения читателя. Причем и позитивные обретения, и фиаско читателя имеют в литературе разных эпох разное содержательное наполнение и разные изобразительные контуры. Делается вывод о том, что в словесности раннего Средневековья, которая впервые обратилась к теме читающего человека, доминирует тема благих

* Автор статьи благодарит Галину Александровну Жиличеву за вопрос, размышления над которым и легли в основу этой статьи.

Турышева О. Н. Эволюция сюжетно-мотивного комплекса в художественном нарративе о читателе // Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 151–161.

результатов чтения. Впоследствии на первый план выходит мотив поражения читателя. При этом отмечается, что в литературе постмодернизма вызревает и другая тенденция в изображении читателя. Она возвращает нарратив к изначально заданному в европейской словесности вектору – вектору изображения позитивных результатов общения с книгой. Такая динамика мотива обретения объясняется историко-культурной спецификой понимания роли книги.

Ключевые слова: герой-читатель, сюжет чтения, мотив преобразования читателя, мотив поражения читателя.

УДК 82-31 + 82-32 + 82.091

DOI 10.25205/2307-1737-2018-2-151-161

Контактная информация: Турышева Ольга Наумовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия, oltur3@yandex.ru)

Повествовательные произведения о чтении и читателе следует признать особым литературным единством, парадигматику которого образует целый ряд факторов. В качестве первого назовем общность проблематики: произведения, в которых нарратив организован вокруг фигуры героя, чей читательский опыт непосредственно эксплицирован в тексте, неизбежно сосредоточены на вопросе соотношения искусства и действительности. В изображении читающего человека, в опоре на литературу формирующего свой взгляд на мир или свой поступок, такой нарратив, как правило, решает проблему взаимодействия слова и жизни, сочетания опыта художественного восприятия и опыта практического жизнестроительства.

Наши предыдущие исследования литературы, сосредоточенной на рефлексии относительно собственной прагматики, позволили выделить, помимо проблемно-тематического единства, и другие аспекты, на почве которых выделяется данная парадигма [Турышева, 2011]. Это и единство типа центрального персонажа (им всегда является читающий субъект, изображенный в акте взаимодействия с текстом или его «апроприации» (Р. Шартъе)), и единство сюжетной организации (ее главную характеристику составляет связь сюжетообразующего события с читательской деятельностью героя), и единство подразумеваемого адресата (имплицитно нарратив о чтении адресован субъекту, принадлежащему литературоцентричной культуре), и единство мотивного комплекса (литература о читателе из эпохи в эпоху разрабатывает повторяющиеся мотивы и темы).

Эта ретроспективная преамбула необходима для пояснения замысла настоящего высказывания. Предметом данной статьи является не вопрос единства структурно-смысловых особенностей повествовательной литера-

туры о читателе, а вопрос о специфике решения общей проблемы взаимоотношения искусства и жизни в произведениях о читателе, принадлежащих к разным историко-литературным эпохам. Представляется возможным обозначить эту специфику посредством выявления особых мотивов, фигурирующих в литературе разных художественных парадигм.

В качестве рабочей гипотезы мы выдвигаем идею эволюции сюжетно-мотивного комплекса, специфицирующего нарратив о читателе в повествовательной литературе разных периодов. Цель статьи составляет попытка дать ответ на вопрос о том, как меняется мотивное поле в литературе о читателе, насколько изменчива универсальная тема взаимоотношений читателя с литературой в словесности разных эпох, – на материале исследования тех трансформаций, которые переживает сюжет о чтении, выдвигая на первый план те или иные специфические мотивы.

Под сюжетом чтения мы понимаем особый тип сюжета, событийную основу которого составляет акт чтения и применение его результатов в жизненной практике героя. Как показало предыдущее исследование, этот сюжет представляет собой частную реализацию универсального сюжетно-инварианта, который в теории литературы именуется циклической сюжетнообразующей моделью. В рамках этого сюжета выделяется несколько постоянных элементов, которые очевидно соотносятся с элементами циклического археосюжета. Его первый элемент – фаза кризиса в истории литературного героя. Этот элемент идентичен традиционному мотиву потери в циклической схеме. Второй элемент – фаза поиска (или выбора) книги или ситуация непосредственного обращения к ней (этот элемент идентичен традиционному мотиву поиска). Третий элемент – фаза «использования» героем книжного знания (чаще всего это цитация литературного жеста, подражание герою или автору). Он соответствует традиционному мотиву испытания. Четвертый элемент – фаза переживания героем коллизии, возникшей в результате претворения им в жизнь книжного знания. И, наконец, последний элемент – это фаза преображения, обретения героем нового знания или статуса – как и в циклической схеме. Преображение становится итогом читательской деятельности героя: герой меняется в опыте общения с книгой, выбирая новые основания для осмысления мира и действия в нем.

Отдельные элементы сюжета чтения, в свою очередь, определяют специфические для повествовательной литературы о читателе мотивы, фактически уже обозначенные в пояснениях к содержательной части того или иного элемента сюжета чтения (мотив кризиса героя, мотив поиска книги, мотив подражания герою или автору, мотив полемики с книгой, мотив разочарования в литературе или, наоборот, мотив удовлетворения результатами воплощения книжного опыта и др.). При этом следует признать, что в рамках разных литературных эпох сюжет чтения актуализирует разные мотивы, выдвигая на первый план те, которые соответствуют пред-

ставлениям эпохи о роли книги в жизни человека. Наиболее «семантически подвижным», очевидно, является мотив, знаменующий схему сюжета чтения, – мотив обретения, преображения книжного человека. В разные эпохи литература по-разному осмысляет результаты взаимодействия человека с книгой. На эволюции содержательного воплощения этого мотива мы и сосредоточимся в рамках данной статьи.

Этот элемент сюжета чтения в историко-литературной перспективе получает как положительную, так и негативную трактовку. В первом случае он находит свою реализацию в изображении того, как герой осуществляет надежды, сложившиеся на почве его взаимодействия с книгой, во втором – в изображении читательского поражения, которое, в свою очередь, получает в литературе самые разные изобразительные контуры.

В словесности, впервые обратившейся к теме читающего человека и систематически разрабатывающей ее (а это словесность раннего Средневековья), доминирует тема исключительно благих результатов чтения – при соблюдении важнейших условий выбора книги. Она поднимается в религиозной литературе, утверждающей в качестве единственно легитимного предмета чтения Священное Писание и другие сакрализованные христианской традицией тексты. Такая интенция естественным образом влечет за собой изображение читателя, очастливленного книгой. Самый выразительный пример представляет собой «Исповедь» Аврелия Августина. Подробно описывая в восьмой книге своего труда чтение Библии, Августин рассказывает о том, как она воспитала в нем христианина. При этом чтение сакрального текста осмысливается у Августина как единственный способ преодоления несовершенства и болезни собственного духа. Апологетику сакрального чтения укрепляют здесь и истории ряда других читателей Писания, выдержанные Августином в том же проповедническом духе, утверждающем благие обретения сакрального чтения.

В последующей литературной традиции достаточно прочно устанавливается тенденция акцентировать негативные последствия взаимодействия человека с книгой. Фаза обретения в сюжете чтения становится предметом критической рефлексии, причем основания для скептического изображения читающего человека, ищущего в книге опор и оправданий, каждая эпоха избирает свои. Задан этот вектор был, пожалуй, Данте – во фрагменте «Божественной комедии», посвященном обитателям второго круга Ада – Паоло Малатесте и Франческе да Римини. За цитирование поцелуя героев читаемой книги – рыцарского романа Кретьена де Труа «Ланцелот, или Рыцарь телеги» – они расплачиваются смертью и загробным воздаянием. Сюжетное осуждение подражательного чтения (при риторически выраженном сострадании и понимании), конечно, связано с традиционным для Средневековья утверждением вреда светского чтения. По мнению средневековых теологов, чтение светской литературы побуждало читателей к ложному самоотождествлению – не с Христом, принцип подражания

которому (*Imitatio Christi*) был в Средние века единственной культурно освященной моделью человеческого поступка, а с героями вымышленного повествования о земном и суетном (см. об этом: [Старобинский, 2002, с. 314]).

Однако в следующем произведении о читателе, хронологически замыкающем средневековый период, предметом критического осмысления становится и сам принцип *Imitatio Christi*, правда, в той его форме, какую он получил в художественной литературе и в какой его и практикует герой. Мы имеем в виду роман о Дон Кихоте – самом, пожалуй, знаменитом читателе, потерпевшем поражение. На протяжении всего повествования Сервантес изображает глубоко трагические результаты вовлеченного чтения: первоначально это формирование утопического сознания, вознамерившегося преобразовать мир по образцу, заданному в рыцарском романе, а в итоге – разочарование в намерениях, отказ от высокого замысла и проклятие литературы как источника иллюзий. Важно, что Сервантес в ситуации тотального поражения изображает читателя, который из рыцарской литературы заимствует христоцентричную модель поведения, нормативную для культуры Средневековья. Как известно, рыцарская идеология, заразившая Дон Кихота, является светским вариантом христианской этики. Недаром сюжетной матрицей в кургузной литературе становится история самоотверженного подвига во имя других. Согласно идее жертвенного служения и выстраивает свое поведение герой Сервантеса, таким образом, косвенно – через посредничество героев рыцарских романов – воспроизводя тактику подражания Христу. Но при этом он терпит фиаско.

Такой поворот в воплощении заключительного элемента схемы сюжета чтения у Сервантеса может быть объяснен целым комплексом причин, среди которых главной, пожалуй, является то, что роман запечатлел кризисное постренессансное мировоззрение. Эпоха трагического гуманизма, развенчав многие утопические проекты Возрождения, предметом глубокого скепсиса сделала и освященную христианской традицией идею продуктивности опоры на «правильную» книжную модель. В романе Сервантеса следование книжной модели (и даже самой высокой – евангельской) оказывается трагически безуспешным, что, очевидно, объяснимо формированием представления о неизбежном несовершенстве мира и неосуществимости в нем высокой миссии.

Негативная трактовка мотива преображения читающего человека доминирует и в последующей литературе, разрабатывающей сюжет чтения. В литературе романтизма и постромантизма выразительные примеры могут составить истории читателей, изображенных Т. Готье, Г. Флобером, П. Мериме. Так, герой новеллы Готье «Онуфриус, или Удивительные злоключения, произошедшие с одним поклонником г-на Гофмана» на почве истового чтения воображает себя жертвой дьявольского преследования, в финале повести окончательно погружаясь в безумные грезы. Неадекват-

ное и, по слову Г. Флобера, «извращенное» штампами романтической литературы сознание является предметом анализа в новелле П. Мериме «Двойная ошибка» и романах самого Флобера («Госпожа Бовари» и «Воспитание чувств»). Герои этих произведений также терпят поражение, что сюжетно соотносится с их ориентацией на готовый и чужой образец жизнестроительства и жизнепонимания.

Такое завершение читательских историй в литературе XIX в. подразумевает особые основания. Если в романе Сервантеса ответственность за поражение христоводобного читателя объясняется качествами грубой, не способной на отклик горячему сердцу действительности, то в литературе XIX в. ответственность возлагается уже на самого читателя. Его фиаско, как правило, связывается с несамостоятельностью сознания и «согласием» на «превращение в общечеловека» (если использовать слова Подпольного, героя Достоевского). Предпочтение цитатного модуса поведения в историях читателей XIX в., в свою очередь, обусловлено романтической верой в то, что опора на литературу придает обыденной жизни возвышенное звучание.

В читательских историях модернизма мы также встречаем преимущественно негативную трактовку мотива обретения. И вновь литература выдвигает специфическую мотивацию выбора такой трактовки, хотя и близкую к разоблачению романтического инфантилизма читателей, изображенных в литературе XIX в. Если последние практикуют цитатное поведение в силу презрения к скуке реальной жизни, то читатели модернистских произведений рассматривают существование в литературе как форму преодоления абсурда окружающего мира. Однако в финале их историй попытка заменить живую жизнь жизнью «бумажной» (Г. Гессе) оборачивается жестоким поражением или новым абсурдом. Так, герой романа Э. Канетти «Ослепление», пережив чудовищный опыт общения с миром «дионисийского хаоса», выбирает в качестве «лучшей родины» библиотеку, но в безумном порыве единения с ней сжигает себя вместе с книгами. Герой новеллы Г. Гессе «Книжный человек», казалось бы, проживает противоположную эволюцию: он признается себе в том, что его добровольное многолетнее заточение в библиотеке было жестоким самообманом, и бросается в море бушующей жизни, возможность постижения которой новелла очевидно отвергает, также констатируя неудачу литературного человека.

Поражение читателя – не редкий мотив и в произведениях постмодернизма. Некоторые из них повторяют основание, выдвинутое предшествующей литературой, а именно модернистскую мысль о самоубийственности чтения, если оно противопоставлено живой жизни. Среди них, например, роман К.-М. Домингеса «Бумажный дом», герой которого многие годы питал надежду на то, что чтение может удовлетворить его потребность в любви и тепле даже в ситуации изоляции от мира людей. Од-

нако, признав свои надежды иллюзиями, он жестоко расправляется с книгами, в гротескно-разрушительном акте выстраивая из них дом на берегу океана.

Эту парадигму может дополнить и повесть «Сонечка», автор которой склоняется к не менее трагическому варианту сопряжения смыслов, связанных с любовью к чтению и смертью читателя: представляется, что погружение героини Л. Улицкой в книжный мир уравнивается с ее уходом из живой жизни. «Обморок» чтения образует композиционное кольцо в истории Сонечки. Будучи «закутана в кокон из тысяч прочитанных томов», выйдя в жизнь из утробы библиотеки, она очевидно осуществляет сюжет «вечной Сонечки», искренне упиваясь счастьем самоотверженной жизни для других. Однако, до конца исчерпав смысловую структуру этого архетипа русской словесности, героиня, возвращается в лоно литературы, чтением закрыв за собой дверь в жизнь.

При этом в литературе постмодернизма появляется и другое основание поражения читателя. В его рамках трагическое завершение читательской истории связывается уже не с личностными установками читателя и не с индивидуальными характеристиками его чтения, но с феноменом власти литературы над сознанием читающего человека: в ее рамках чтение трактуется как акт подчинения читателя тому «порядку культуры», от имени которого «говорит» с ним текст (Р. Барт).

Одно из самых выразительных воплощений этой постмодернистской идеи находим в романе М. Елизарова «Библиотекарь», сюжет которого выстраивается вокруг принуждения избранного книгой чтеца к осуществлению миссии, книгой же на него возложенной.

В то же время в литературе постмодернизма вызревает и такая тенденция в изображении читателя, которая возвращается к изначально заданному в европейской словесности вектору – вектору изображения позитивных результатов общения с книгой. В литературу возвращается положительное завершение читательской истории. Мотив обретения вновь наполняется тем содержанием, в рамках которого с чтением связываются благие результаты. Но если в раннесредневековой литературе они подразумевали приближение человека к Богу, то в постмодернистском варианте – движение человека к другому человеку, достижение дружественного согласия с ним.

Эту тенденцию обнаруживают, например, романы А. Байетт «Обладать», И. Кальвино «Если однажды зимней ночью путник», роман К. Дж. Фаулер «Книжный клуб Дж. Остен» и др. В этих произведениях любовь к книге оборачивается для читателя подлинно счастливыми результатами. Так, в романе И. Кальвино с идеей чтения как события «установления связи» с другим человеком сопрягается мысль о возможности противостояния смерти. Тот же содержательный ракурс присутствует и во всех перечисленных книгах.

Такая трактовка мотива обретения очевидно связана с особым поворотом постмодернистской мысли, в рамках которого признание литературы фактором идеологии вовсе не связывается с репрессивностью ее воздействия на реципиента. В этом случае текст рассматривается не как инструмент внушения и подавления, а как мощный ресурс моделей интерпретации жизни и опыта взаимодействия с Другим как носителем иной экзистенции (об этом см., например: [Изер, 2004; Kristeva, 1985]).

В рамках такого интеллектуального поворота складываются тексты, которые, повествуя о власти литературы, отказываются от отрицательных коннотаций в воплощении этой проблематики. Подчинение жизни книжным образцам в данном случае осмысляется не как форма идеологического насилия (как в постмодернистской философии), а как объективная культурная данность, в отношении которой вряд ли возможны прямые оценочные суждения. Жизнь мыслится как нерасторжимо слитая с литературой – и вовсе не потому, что не может противостоять власти идеологии, а потому, что ее ход необъяснимо и как будто естественно повторяет литературный сюжет, причем совершенно независимо от читательского волеизъявления. Если в предшествующей словесности литература и реальность четко противопоставлялись друг другу (читатели в опоре на литературу стремились так или иначе преобразовать реальность или же вообще избежать их взаимодействия в иллюзии книжного отстранения от презренной жизни), то в рамках постмодернизма литература становится второй реальностью для нового читателя. И в этом случае оказывается невозможной однозначная трактовка мотива обретения: вопрос о том, потерпел герой-читатель поражение в своей опоре на литературу или, наоборот, литература позволила ему осуществить сюжет собственной жизни в соответствии с логикой семиосферы, не получает определенного оценочного воплощения.

В таком ключе взаимодействие литературы с читателем изображено, например, в романе У. Пленцдорфа «Новые страдания юного В.». Первоначально Эдгар Вибо, герой романа, отвергает литературу, интуитивно подозревая в ней фактор власти: «Всякая рекомендованная книжка мне казалась мурой», – говорит он [Пленцдорф, 1973, с. 115]. Поэтому читает герой только те книги, которые «падают в лапы по чистой случайности». Недаром история чтения романа о Вертере начинается в сюжете Эдгара с эпизода его карнавального развенчания: герой находит книгу в туалете и, по назначению данного места, использует ее титульный лист и предисловие. Последующее чтение романа складывается вне какого-либо знания об авторе, названии, жанре произведения и времени его написания. Сначала герой поддерживает свой скепсис, возмущаясь «допотопным» стилем романа и иронически именуя его «детективом» и «идиотским боевиком». Однако постепенно он начинает смотреть на жизнь сквозь призму мировосприятия гётевского героя, принимая «правду» его взгляда и при-

влекая его сентенции для оценки тех или иных ситуаций или в попытке их понимания.

Подражание, в которое выливается увлечение «Вертером», первоначально также носит карнавальный характер. Так, пытаясь объясниться с возлюбленной, герой полностью переписывает письмо Вертера Шарлотте, предполагая, что оно будет воспринято адресатом как издевательское, и совершенно не надеясь на продолжение отношений. Карнавальное «использование» романа предпринято и в ситуации переписки с другом: надиктовав на магнитофонную пленку одно из писем Вертера, Эдгар надеется от души посмеяться над недоумением товарища.

Однако финальный жест Вертера вовсе не становится предметом прямой цитаты со стороны Эдгара: его уход является не результатом мыслительного решения, а результатом неблагоприятного стечения обстоятельств, результатом несчастного случая. При этом особая нарративная организация романа оставляет за героем право финальной реплики. Роман построен «драматургически»: в нем чередуются диалоги отца героя, пытающегося разобраться в причинах гибели сына, с разными участниками истории и комментарии уже погибшего героя к их «показаниям». В том числе Эдгар рассказывает и о своей смерти, благословляя ее правотой вертеровских страданий: «Я думаю, оно и лучше, что все так кончилось... Во всяком случае, я уже почти совсем дошел до того, что начал понимать старичка Вертера, когда он не мог больше, и все» [Пленцдорф, 1973, с. 152]. Таким образом, хотя прямое подражание Вертеру в уходе Эдгара отсутствует, закономерность и «правота» вертеровского финала героем Пленцдорфа признается.

Отсутствие сознательной опоры на последний жест Вертера проясняет еще одно важнейшее качество истории Эдгара: ее необъяснимую зависимость от нарратива, который является предметом чтения. В описании Пленцдорфа жизнь героя складывается в абсолютном соответствии с сюжетами его любимых книг – и при отсутствии осознанной интенции подражания. Помимо «Страданий юного Вертера» таковых еще две: «Приключения Робинзона Крузо» и «Над пропастью во ржи». Герой в своей жизни осуществляет все три сюжета. Подобно Холдену Колфилду, Эдгар бежит из школы. Подобно Робинзону, живет «на необитаемом острове» – в подлежащем сносу доме. Подобно Вертеру, встречает чужую невесту и трагически уходит из жизни. Жизнь героя странным образом начинает воспроизводить контуры литературных историй – вне сознательных волевых усилий самого героя овеществить их сюжеты, вне целенаправленного цитирования и вне фантазий замороженного сознания. Все те основания, которые ранее литература использовала, чтобы объяснить поражение избранным читателя, здесь отсутствуют, отменяя и отчетливую аксиологию сюжетного завершения. Является ли герой жертвой литературы или

ее книжное завершение знаменует объективную данность жизни человека XX в. – на этот вопрос повесть не отвечает.

Безусловно, круг повествовательных текстов о читающем человеке гораздо более широк, нежели совокупность привлеченных нами текстов. Но сделанные и на их основе наблюдения позволяют обоснованно говорить об эволюционной динамике в воплощении такого устойчивого мотива сюжета чтения, как мотив обретения.

Список литературы

Изер В. Изменение функций литературы // Современная литературная теория: Антология. М.: Флинта-Наука, 2004. С. 42–43.

Пленцдорф У. Новые страдания юного В. / Пер. А. Карельского // Иностранная литература. 1973. № 12. С. 106–152.

Старобинский Ж. Критика и принцип авторитета: от Руссо до Жермены де Сталь // Старобинский Ж. Поэзия и знание: история литературы и культуры / Пер. с фр.; сост., отв. ред. и автор предисл. С. Н. Зенкин. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. С. 314–333.

Турьшева О. Н. Книга – чтение – читатель как предмет литературы. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 285 с.

Kristeva J. Au commencement était l'amour. Psychanalyse et foi. P., 1985.

Article metadata

Title: The evolution of the Plot-Motive Complex in the Artistic Narrative of the Reader

Author: O. N. Turysheva

Author's e-mail: oltur3@yandex.ru

Author's affiliation: Ural Federal University named after the B. N. Yeltsin

Abstract. The problem of the article is the question of the nature of the image of the reader in the literature of different epochs. A method is proposed for its detection – an investigation of those transformations that the story about reading in the historical and literary perspective is going through. A definition of the subject of reading is given, its motive elements are revealed. The subject of close analysis is the evolution of the motive, which completes the plot scheme of the narrative about the reader. This is the motive for acquiring (transforming the reader). It is noted that in the history of literature this motive receives both a positive and a negative interpretation. In the first case, it finds its realization in depicting how the hero realizes the hopes that have developed on the basis of his interaction with the book. In the second – in the image of the reader's defeat. Moreover, both the positive attainments and the fiasco of the reader have in the literature of different epochs the different content and different visual contours. It is concluded that in the literature of the Middle Ages,

which for the first time turned to the topic of the reading person, the theme of good reading results dominates. Its vivid expression is found in the Confessions of Aurelius Augustine. Subsequently, the motive of the reader's defeat comes to the forefront. This trend is observed in the literature of romanticism, realism, modernism and postmodernism. The bases for explaining the reader's defeat each epoch offers different concepts. It is noted that in the literature of postmodernism another tendency in the image of the reader ripens. It returns the narration to the vector initially specified in the European literature – the vector of the image of the positive results of communication with the book. They are linked to the fact that reading becomes a register of reaching friendly agreement with another person. This trend is presented, for example, in the works of A. Bayette, I. Calvino, K. J. Fowler. Also in the literature of postmodernism the image of the reader changes: it is often depicted as an object of ideological influence on the part of the text. An example is M. Elizarov's novel *The Librarian*. But the subordination of life to the book samples is interpreted not only as a form of literature violence over the reader's consciousness, but also as an objective cultural entity in relation to which direct appraisal judgments are impossible. This turn in the image of the reader is illustrated by an appeal to the story of the German writer U. Plenzdorf, "The New Suffering of the Young V." The revealed dynamics of the motive of acquisition is explained by the historical and cultural specifics of understanding the role of the book.

Key terms: hero-reader, the plot of reading, the motive of the reader's transformation, the motive of the reader's defeat.

Reference literature (in transliteration):

Izer V. *Izmenenie funktsiy literatury. Sovremennaya literaturnaya teoriya. Antologiya.* Moscow, Flinta-Nauka, 2004, p. 42–43. (in Russ.)

Kristeva J. *Au commencement était l'amour. Psychanalyse et foi.* P., 1985.

Plenzdorf U. *Novye stradaniya yunogo V.* Transl. by A. Karelskiy. *Inostrannaya literatura*, 1973, no. 12, p. 106–152. (in Russ.)

Starobinski J. *Kritika i printsip avtoriteta: ot Russo do Zhermeny de Stal.* In: Starobinski J. *Poeziya i znanie: istoriya literatury i kul'tury.* Transl. by S. N. Zenkin. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002, vol. 1, p. 314–333. (in Russ.)

Turysheva O. N. *Kniga – chtenie – chitatel' kak predmet literatury.* Ekaterinburg, USU Publ., 2011, 285 p. (in Russ.)